

Русские литераторы XVIII века глазами парижской полиции

Eighteenth-Century Russian Writers through the Eyes of the Parisian Police

**Денис Александрович
Кондаков**

Полоцкий государственный университет
Полоцк, Белоруссия

Dzianis A. Kandakou

Polotsk State University
Polotsk, Belarus

Резюме

После визита Петра Великого в 1717 г. Париж стал для соотечественников царя символическим местом культурного паломничества. Присутствие русских в Париже (прежде всего, русских писателей) хорошо документировано и описано в путевых заметках, дневниках, переписке, мемуарах и литературных текстах. Долгое время эти свидетельства оставались едва ли не единственными источниками информации, однако не всегда надежными и исчерпывающими; зачастую они порождали мифы и недоразумения и оставляли в тени повседневную жизнь русских писателей в Париже. Настоящее исследование предлагает иную перспективу благодаря обращению к корпусу донесений парижской полиции о надзоре над иностранцами. Эти бумаги проливают новый свет на литературную, общественную и политическую деятельность русских писателей во французской столице. В качестве наиболее ярких примеров избраны дела князя А. Д. Кантемира, графа А. П. Шувалова,

Цитирование: Кондаков Д. А. Русские литераторы XVIII века глазами парижской полиции // *Slověne*. 2019. Vol. 8, № 1. С. 254–268.

Citation: Kandakou D. A. (2019) Eighteenth-Century Russian Writers through the Eyes of the Parisian Police. *Slověne*, Vol. 8, № 1, p. 254–268.

DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.1.9

Д. И. Фонвизина и И. И. Хемницера. Сравнительный анализ донесений полиции, литературных произведений и личных документов этих четырех писателей показывает, что французские силы правопорядка, в целом весьма осведомленные и образованные, не имели должных знаний о литературной и культурной жизни в России. Потому эти путешественники, не владевшие, с их точки зрения, основами «светского общежития», представлялись им подозрительными. В то же время русские писатели пользовались своим пребыванием в Париже для укрепления своей литературной репутации.

Ключевые слова

полицейские донесения, общественная жизнь, повседневная жизнь, правила светского общежития, А. Д. Кантемир, А. П. Шувалов, Д. И. Фонвизин, И. И. Хемницер

Abstract

Since Peter the Great's visit in 1717, Paris has become an uncontested symbolic place of cultural pilgrimage to his compatriots. Russian presence in Paris, especially the stays of men of letters, is well documented and was described in numerous travelogues, diaries, correspondence, and memoirs. For a long time, these accounts have remained a nearly unique source of information, quite uncertain and insufficient, creating myths and misunderstanding, leaving in the shadow the everyday life of Russian writers in Paris. This study suggests another perspective that emerges through examination of Parisian police reports. These papers shed new light on literary, social, and political activities of Russian writers in the French capital. Cases of Prince Antiochus Cantemir, Count Andrei Shuvalov, Denis Fonvizin, and Ivan Chemnitz are presented as the most spectacular examples. The comparative analysis of police reports and the literary texts and personal writings by these four writers shows that French administrative staff, generally well-informed and well-read, had very little knowledge of Russian literary and cultural life. Therefore, travelers which were unfamiliar with the French *savoir-vivre* looked quite suspicious to them. At the same time, Russian writers used their life in Paris to promote themselves.

Keywords

police reports, sociability, everyday life, *savoir-vivre*, literary reputation, Antiochus Cantemir, Andrei Shuvalov, Denis Fonvizin, Ivan Chemnitz

В России XVIII в. всякая советница и всякая бригадирша знали, «каково жить с тем мужем, который в Париже не был» [Фонвизин 1959а: 48]. И иронические выпады Д. И. Фонвизина [Proust 1995], и оды В. К. Тредиаковского во славу берегов Сены [Гречаная 2010: 26–35] в равной степени способствовали закреплению в сознании российского общества особого образа и статуса Парижа. Столица Франции к середине столетия превращается в центр культурного паломничества, ее посещение становится непременным этапом в формировании просвещенной личности. Взгляд самих русских XVIII в. на эти процессы «культурного импорта»

изучен достаточно хорошо (см., например: [Клейн 2005]), однако знание о нем не будет полным без точки зрения самих «экспортеров», т. е. французов. Важную часть этой точки зрения, дающую панорамный обзор, составляют донесения парижской полиции.

В век Просвещения полиция французской столицы представляется своего рода чудом света. Ее устройство Екатерина II обсуждает с Дидро среди прочих важнейших для нее тем, о ней философ составляет для царицы памятную записку [Lizé 1978: 195–199]. О деятельности полиции свидетельствуют многие русские путешественники. Так, Фонвизин пишет: «Полиция парижская славна в Европе. Говорят, что полицеймейстер их всеведущ, что он, как невидимый дух, присутствует везде, слышит всех беседы, видит всех деяния и, кроме одних помышлений человеческих, ничто от него не скрыто» [Фонвизин 1959б: 489]. «Сатиры смелой властелин», похвалив, не преминет уязвить французов. Перечислив нравственные пороки парижан, от которых, по его мнению, происходят все преступления, Фонвизин заключает: «В рассуждении всех полицейских предметов, парижская полиция, кажется, от возможного совершенства весьма еще далека» [Ibid.].

В нашу задачу не входит оценка административных функций и профессиональных достижений полиции, детально проанализированных в недавних трудах французских историков [Dubost 2000; Dubost 2001; Milliot 2016; Vidoni 2018]. Зато для нас важна ее культурная роль, выданные ею оценки и характеристики, созданные ею репутации. Поэтому, привлекая для воссоздания облика «русского парижанца» (воспользуемся заглавием одноименной комедии Д. И. Хвостова) свидетельства полицейских инспекторов, мы будем искать в них не только точные факты, но и ошибки, домыслы и заблуждения. Это поможет нам определить, в каком соотношении в образе «русского парижанца» представлены достоверное описание и мифотворчество, как он показан в донесениях службы надзора за иностранцами. Особенно любопытным и наглядным будет пример писателей, которые в России XVIII в., в отличие от Франции, не составляли единой профессиональной группы. В их число входили самые разные по социальному положению люди, которых зачастую объединяло одно важное стремление — прославиться в столице просвещенной Европы, снискать себе реноме на парижском Парнасе и с его помощью обрести социальный успех на родине.

Наши источники складываются из трех коллекций документов. Первая хранится в библиотеке Арсенала, в архивах Бастилии, и включает в себя донесения полицейских инспекторов о слежке за иностранными дипломатами за 1729–1748 гг. (BA, Bastille, Observations des étrangers, Ms 10283–10293). Вторая, похожая по составу, коллекция находится

в архиве Министерства иностранных дел Франции и охватывает рапорты интенданта парижской полиции министру иностранных дел за 1774–1791 гг. (MAE La Courneuve, Contrôle des étrangers, vol. 1–92). Наконец, в отделе рукописей Национальной библиотеки Франции отложились донесения полиции нравов за 1760–1767 гг., в которых мелькают имена русских посетителей парижских девиц легкого поведения (BNF, Département de manuscrits, FF 11356–11360)¹.

В этих коллекциях преобладают сводные, обобщающие отдельные наблюдения документы, но есть и персональные дела. Так, в архивах Бастилии сохранились досье на следующих русских узников: Сергея Алексеевича Пушкина, двоюродного деда поэта (1761–1763) (см.: [Stroev 2010]), Карла Курляндского (1768), авантюриста Ивана Тревогина (1783) [Дмитриева, Топорков 1992; Строев 1998: 306–309].

Стилистика рапортов тесно связана с изящной словесностью. Можно согласиться с М. Делоном, который считает, что «как бы нелепы и тяжеловесны ни были отчеты полиции, их стилистика базируется на моделях, подсказанных литературой» [Делон 2013: 13]. Конечно, не ко всем типам рапортов это утверждение применимо. Слежка за дипломатами за вторую половину 1770-х и 1780-е гг. написана весьма сухо, что обусловлено, по мнению Ж.-Ф. Дюбо, требованиями короля и правительства уделять меньше внимания слухам о частной жизни иностранцев и больше внимания — фактам [Dubost 2000: 261]. А вот свидетельства 1760-х гг. о любовных похождениях иноземцев изобилуют сценами и клише, словно сошедшими со страниц авантурных романов и комедий.

Вот весьма характерный пример. 22 ноября 1765 г. граф К. Г. Разумовский наносит «галантный визит» некоей девице Грекур. Последняя осталась недовольна своим любовником и заявила инспектору, что «нужен микроскоп, дабы заметить его прелести» (*il faut un microscope pour apercevoir sa gaieté*) [PSL XV, 3: 50]. Второй том эпистолярного романа «Китайские письма» Анжа Гудара, появившийся в том же 1765 г., открывается фразой: «Туринский двор столь мал, что нужен микроскоп, чтобы его увидеть» (*La cour de Turin est si petite, qu'il faut un microscope pour la voir*) [Goudar 1765: 1]².

Трудно сказать, идет ли речь о совпадении, общем месте шпионской стилистики или о реминисценции из трактата «Анти-Макиавелли» Фридриха II [Frédéric 1741: 113]. Главное, что этот пример, как и многие другие подобного рода, показывает, что в образе «русского парижанца»,

¹ Эти документы частично опубликованы [Journal 1863; PSL XV].

² Параллель к этой фразе обнаруживается также в хорошо известной эпиграмме А. С. Пушкина на генерала А. Ф. Орлова [Строев 2014].

как он представляется в донесениях службы надзора за иностранцами, в равной степени соединились достоверное описание и мифотворчество.

Рапорты представляют разные типы надзора, которые, как мы увидим в дальнейшем, были знакомы и самим объектам слежки — русским литераторам. Они попадали в поле зрения полиции сразу же по прибытии в город: все домовладельцы и хозяева гостиниц обязаны были составлять краткую характеристику на всех прибывающих к ним на постой иностранцев с указанием национальности, пола, возраста, общественного положения, иногда рода занятий³.

В поквартальных записях отмечались почти все новоприбывшие иностранцы. Почти — потому что попадание в эти списки во многом зависело от благонадежности поставляющих информацию, от статуса путешественника и его желания обнаружить себя. Так, никаких упоминаний о Н. М. Карамзине (или Николае Михайлове — на это имя был выдан заграничный паспорт) в поквартальной слежке за 1790 г. обнаружить не удалось. С одной стороны, можно было бы предположить, что речь идет об упущении, вполне объяснимом революционной ситуацией и разладом системы надзора. С другой стороны, от взора полиции ускользает прибытие в Париж в конце 1790 г. В. Я. Колокольникова и М. И. Невзорова, принадлежавших к тому же, что и Карамзин, московскому кругу розенкрейцеров⁴ [MAE La Courneuve, Contrôle des étrangers, vol. 79, f. 5r°–6r°]. Объяснить различное отношение к трем молодым русским можно либо скрытностью одного из них, либо наличием определенных сведений о других двух, либо тем и другим одновременно.

В дальнейшем под надзором полиции оставались лишь те приезжие, которые привлекали особое внимание либо своим общественным статусом, либо своим публичным поведением, или были известны Министерству иностранных дел как «полезные» или «вредные» для интересов Франции личности. За ними велось внешнее наблюдение (сидели так называемые *touchés*, буквально «мухи», т. е. вертящиеся рядом соглядатаи), при возможности подкупом или шантажом добывалась

³ Такой тип надзора сохранился и позднее, в XIX в., так что с ним столкнулся и Ф. М. Достоевский, изобразивший его в главе 4 «Зимних заметок о летних впечатлениях»: «В отеле, в котором я остановился, немедленно описали все малейшие приметы мои и сообщили их, куда следует. По точности и мелочности, с которой рассматривают вас при описании примет, можно заключить, что и вся дальнейшая ваша жизнь в отеле, так сказать, все ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочем, на первый раз в отеле меня лично не много беспокоили и описали меня втихомолку, кроме, разумеется, тех вопросов, какие задаются вам по книге, и в нее же вы вписываете показания ваши: кто, как, откуда, с какими помыслами? и проч.» [Достоевский 1956: 88].

⁴ О предыстории образовательных путешествий всех троих см.: [Зорин 2016: 146–147].

информация от слуг из дома. На основе этой информации создавались рапорты об отдельных личностях, сводные рапорты о представителях той или иной нации и иностранных дипломатах.

Анализ этих документов позволил выявить имена более 600 подданных Российской Империи, пребывавших в Париже в 1729–1791 гг. В поле зрения полиции попадают самые разные социальные группы: прежде всего, дипломаты, но также временно проживающие в Париже аристократы, военные, врачи, художники, студенты, купцы. Как уже отмечалось ранее, говорить о русских литераторах как об отдельной категории приезжих затруднительно. В отношении русских путешественников словосочетание *homme de lettres* употребляется полицейскими лишь один раз — так назван Фонвизин в рапорте от 3 апреля 1778 г.:

Господин де Визини [Фонвизин], ливонец, советник российской императрицы, прибыл в наш город из Петербурга немного времени тому и остановился в гостинице «Дания» на улице Жакоб.

Этот дворянин приехал в Париж для поправления своего здоровья; он намеревается пробыть здесь некоторое время и осмотреть затем различные провинции.

Господин де Визини — литератор, обладающий большими познаниями, особенно в юриспруденции. Он работал над составлением свода законов и был очень щедро вознагражден своей государыней⁵ [MAE La Courneuve, *Contrôle des étrangers*, vol. 21, f. 71r^o].

Донесение пестрит неточностями и полуправдами. Верно то, что предки Фонвизина происходили из Ливонии, но сам он с прародиной связей не имел. С 1771 г. он был произведен в чин титулярного советника, который все же никак не соответствует должности «советника императрицы». В свой первый заграничный вояж Фонвизин и впрямь отправился из Санкт-Петербурга, но в Париж его путь лежал через Монпелье и Лион. Именно до приезда во французскую столицу он осматривал провинциальные города, где лечилась его жена, а не он сам. Принимая во внимание обилие ошибок в этом отчете, можно лишь удивляться, откуда инспектор полиции получает верные известия о литературной деятельности Фонвизина и его эрудиции. Вероятнее всего, он назван литератором, поскольку известны его встречи в Париже с академиками Л. Тома и Ж.-Ф. Мармонтелем и другими французскими писателями, о которых

⁵ M. de Wisiny, Livonien, conseiller de l'impératrice de Russie, est arrivé ici depuis peu venant de St Pétersbourg, et est descendu à l'hôtel de Danemark rue Jacob.
Ce gentilhomme est venu à Paris pour le rétablissement de sa santé; il se propose d'y séjourner quelque temps et de parcourir ensuite différentes provinces.
M. de Wisiny est un homme de lettres qui a beaucoup d'érudition surtout dans la jurisprudence. Il a travaillé à la confection du code et a été très généreusement récompensé de sa souveraine.

сам автор «Бригадира» писал сестре (письмо за август 1778 г. [Фонвизин 1959б: 450]) и П. И. Панину (письмо от 14/25 июня 1778 г. [Ibid.: 476]).

Прочие же российские писатели такого звания не удостаиваются. Этому можно дать следующее объяснение. Для парижских инспекторов полиции, как и для общественного мнения во Франции в целом, русская литература остается плохо известной и малозначительной. Не в последнюю очередь потому, что в самой России XVIII в., в отличие от Франции⁶, социальные функции и статус «учрежденного» (т. е. профессионального) писателя не имеют высокого признания [Клейн 2005: 498–520]. Неудивительно, что попадающие под надзор русские писатели привлекают к себе внимание благодаря либо титулу (князь А. Д. Кантемир, граф А. П. Шувалов, князь А. М. Белосельский-Белозерский, граф Г. И. Чернышев), либо чину и достижениям — военным или гражданским (Н. А. Львов, И. И. Хемницер, Д. И. Фонвизин, Ф. В. Каржавин).

В этом отношении весьма примечателен случай князя Кантемира. Его высокий дипломатический ранг и аристократическое происхождение обеспечивают пристальное внимание полиции. Благодаря рапортам, дипломатической и личной переписке известно, что российский посланник в Париже общается преимущественно с иностранными коллегами по дипломатическому корпусу, завязывает полезные знакомства среди хозяек влиятельных салонов, активно ведет сбор информации в соответствии с инструкциями из Санкт-Петербурга.

Полицейские соглядатаи с трудом могут следовать за перемещениями российского посланника и не способны проникнуть в его дом: на это часто сетуют инспекторы в своих рапортах, указывая на ухищрения, к которым прибегает Кантемир. Отзвуки полицейской слежки и сбора информации попадают и в поэзию князя. Сатира III, первая редакция которой относится к 1730 г., а окончательная — к 1743 г., т. е. времени пребывания Кантемира в Париже, выводит на сцену некоего до крайности любопытного Менандра:

С зарею вставши, Менандр везде побывает,
Развесит уши везде, везде примечает,
Что в домех, что в улице, в дворе и в приказе
Говорят и делают. О всяком указе,
Что вновь выдет, о всякой перемене чина
Он известен прежде всех, что всему причина,
[...] где кто с кем подрался,
Сватается кто на ком, где кто проигрался,
Кто за кем волочится, кто выехал, въехал,

⁶ О профессионализации и социальном признании писательского труда во Франции Старого режима: [Viala 1985].

У кого родился сын, кто на тот свет съехал.
Когда же Менандр новизн наберет нескудно [...]
Встретит ли тебя — тотчас в уши вестей с двести
Насвищет, и слышал те из верных рук вести
[Кантемир 1956: 92].

В образе Менандра, который восходит к «Характерам Теофраста» и «Характерам, или Нравам нынешнего века» Жана де Лабрюйера, легко угадывается знакомая парижанам фигура сборщика новостей (*nouvelliste*), часто поставлявшего информацию для полиции [Milliot 2016: 151]. Более того, все события, интересующие досужего, относятся и к волнующим полицию темам: это азартные игры («где кто проигрался»), хроника любовных приключений («сватается кто на ком... кто за кем волочится»), прибытие новых лиц в город («кто выехал, въехал»), сбор информации («развесит уши везде, везде примечает»). В переводе сатиры на французский язык, выполненном аббатом О. Гуаско совместно с князем и, возможно, при содействии секретарей посольства Генриха Гросса и братьев Долгоруких, Александра и Владимира, эти темы получили еще большее развитие и четко связаны с деятельностью полиции [Satyres 1749: 244–252].

Вместе с тем хорошее знание парижской жизни никак не помогает российскому посланнику завязать тесные отношения с влиятельными писателями и философами. Полицейские рапорты не позволяют подкрепить фактами утверждения того же аббата Гуаско о близком знакомстве Кантемира и Монтескье. Контакты князя с Вольтером ограничиваются тремя письмами за март–апрель 1739 г. [Liu 1983: 427–428, 436–437]. В отличие от Кантемира, его датский коллега граф Иоганн фон Бернсторф заводит личные знакомства с этими прославленными авторами и принимает их в своем парижском жилище в 1746–1747 гг. [BA, ms 10290, f. 227v°, f. 258v°; ms 10293, f. 19r°, f. 82r°].

Два обстоятельства мешают Кантемиру блистать на парижском Парнасе. Во-первых, его стесненность в средствах и вызванные этим долги. Во-вторых (и в этом, очевидно, главная причина), Кантемир предпочитает светскому обществу затворничество, философское уединение, помогающее мыслить и творить. Во французской же столице работают иные правила создания литературных и светских репутаций, которые предписывают постоянное участие в общественной жизни, соответствие своему рангу в публичной сфере. Не умея соответствовать этим правилам, князь скучает на приемах и застольях, в чем он признается в письме сардинскому посланнику в Лондоне Джузеппе Осорио Аларсону от 28 ноября 1738 г., т. е. в начале своей дипломатической миссии в Париже: «Я веду ныне довольно скучную жизнь. Я завел очень

мало знакомств и, по-видимому, новых не сделаю» (Je mène jusqu'à cette heure une vie assez ennuyeuse. J'ai fait très peu de connaissances et et apparemment je n'en ferai pas d'avantage) [Grasshoff 1966: 303]. О том же пишет в воспоминаниях о российском посланнике аббат Гуаско: «В городе, где удовольствия предоставляются со всех сторон, будучи в лучшем возрасте, чтобы ими наслаждаться, он вел жизнь философа, я бы сказал, почти затворника. Его общество долгое время ограничивалось малым числом друзей, с которыми он даже не всякий день виделся» [Satyres 1749: 107].

Сын петровской эпохи, обладающий достаточным образованием и прекрасными манерами, Кантемир еще не готов полностью принять французские правила литературной и общественной жизни. Человек другого времени, граф Андрей Петрович Шувалов, претендует уже не только на ученичество, но и на влияние на французскую литературу и культуру, продвижение и прославление русской словесности как неотъемлемой части европейской жизни [Гречаная 2010: 82–101]. Его умение быть обходительным, тактичным, предупредительным, располагающим к себе, а также знание законов великосветского общества позволяли ему налаживать дружеские связи, встраиваться в значимые социальные круги. Все это он демонстрирует во время своего пребывания в Париже в 1777–1781 гг. Шувалов принят в лучших парижских домах: у герцога Бирона и маркизы Дюдефан, герцогини де Лавальер и герцогини Люксембургской. Его собственный салон собирает французских гостей, которых, следует признать, меньше, чем русских посетителей. Это неудивительно, поскольку Шувалов, по всей вероятности, прибывает в Париж не только блистать и развлекаться, но и помогать посланнику князю И. С. Барятинскому в выполнении некоторых политических миссий. Полиция замечает, что за традиционными обедами по средам у Шувалова собираются дипломаты дружественных России стран, а также поставщики информации, в частности доктор Иоганн Готфрид Зайферт⁷, лечащий врач герцога Орлеанского и принцессы де Ламбаль [МАЕ La Courneuve, Contrôle des étrangers, vol. 33, f. 71r°-v°]. В этом обществе обсуждается и готовится русское посредничество в установлении мира между Священной Империей и Пруссией после войны за Баварское наследство, отсюда распространяются ложные слухи о победах англичан над французами в Новом свете во время войны за независимость США и антифранцузские настроения [Ibid., vol. 28, f. 12v°; vol. 31, f. 83v°; vol. 33, f. 26r°; vol. 34, f. 101r°-v°; vol. 37, f. 64v°].

Эта деятельность графа подрывает в великосветском обществе его репутацию как «мастера в искусстве нравиться», которую он создает

⁷ О нем и его связях с Россией см.: [Cabanès 1922: 32].

своими собственными стихами на французском языке (они печатаются в журналах «Французский Меркурий» (*Mercure de France*), «Энциклопедический журнал» (*Journal Encyclopédique*), «Дух газет» (*Esprit des Journaux*)) и которую поддерживают его литературные корреспонденты: Вольтер, Жан-Франсуа де Лагарп, Клод-Жозеф Дора. Свидетельством тому служит история создания и рецепции стихотворения Шувалова «Госпоже герцогине де Лавальер по случаю ее торжества»⁸ (*Vers à Madame la Duchesse de La Vallière, le jour de sa fête*), опубликованном 11 сентября 1779 г. во «Французском Меркурии».

Это стихотворение на случай было нацелено на решение практической социальной задачи: понравиться герцогине и поддержать свой статус в ее доме. Герцогиня де Лавальер — не случайный адресат. Ее салон, согласно подсчетам исследователя общественной жизни в Париже второй половины XVIII в. А. Лилти, был одним из самых посещаемых и престижных великосветских собраний во французской столице между 1774 и 1789 гг. Французский исследователь, опираясь на материалы полицейского надзора за иностранцами, насчитал за этот период 610 посещений дома герцогини зарубежными дипломатами (больше было только в салоне Некеров — 640) [Lilti 2005: 128–131]. У Шувалова герцогиня де Лавальер представлена именно в своей главной ипостаси — хозяйки салона, окруженной друзьями. Важнейшие строки вынесены в начало стихотворения: «Вы дороги своим друзьям, / Они ощущают счастье жить подле Вас» (*A vos amis vous êtes chère, / Ils sentent le bonheur de vivre auprès de vous*) [Chouvalov 1779: 49]. А в качестве антитезы достоинствам госпожи де Лавальер сказано: «Тот, кто ничем не обладает, остается одиноким» (*Qui ne possède rien est alors isolé*) [Ibid.: 50].

Очевидно, что для графа Шувалова закрепиться в салоне де Лавальер было принципиально не только для создания определенного реноме. Быть постоянно принятым там давало возможность получить доступ к каналам распространения важных политических сведений. Поэт превозносит не душевные или физические качества сами по себе, а умение их обладательницы использовать их в «искусстве нравиться» и таким образом противостоять разрушающему действию времени (*Quand on a l'art de plaire, on garde ses appas* [Chouvalov 1779: 50]), привлекать к себе, устанавливая доверительные отношения.

Однако поэтическое подношение не удовлетворяет адресата. В письме к Ивану Ивановичу Шувалову от 23 августа 1780 г. герцогиня де

⁸ Не вполне понятно, по какому случаю было написано стихотворение. Анна Юлия Франсуаза де Лавальер родилась 11 декабря, а не 11 сентября. В православной традиции на 9 сентября (по юлианскому календарю) приходится день памяти богоотцев Иоакима и Анны. Однако в католической традиции именины Анны отмечаются 26 июля.

Лавальер жалуется на племянника своего корреспондента: «Госпожа графиня Шувалова пользуется здесь большим уважением, всеми она любима и почитаема, как того заслуживает. Со мною она добра и очаровательна... Милостью ее мужа я располагаю не вполне, хотя он и написал для меня стихи и опубликовал их в “Меркурии”. Остроумцы слишком сильно занимают его, чтобы он стал терять время в легкомысленных разговорах»⁹ [ОР РНБ, Фг. Q.IV.207, л. 163–164]. Остается лишь догадываться, кто подразумевается под теми «остроумцами», что претят герцогине де Лавальер. Скорее всего, имеются в виду литераторы, ведь употребленное выражение *les beaux esprits* может быть принято и в этом значении. Тогда речь идет о Ж.-Ф. Лагарпе, К.-Ж. Дора, Ж.-Ф. Мармонтеле, с которыми Шувалов находился в близких отношениях. Возможно, намек касается и контактов графа в дипломатическом мире, слишком серьезных по своему содержанию для «легкомысленного» общества де Лавальер. В любом случае, реноме Шувалова, «мастера в искусстве нравиться», подвергается сомнению высшим парижским обществом, в то время как французское правительство, информацию которому поставляла полиция, должно было поставить под сомнение благорасположенность русского графа к королевству.

Помимо критического отношения к Франции, поводом для пристального наблюдения за русскими литераторами может стать их любопытство и наблюдательность. Так происходит с Хемницером. Напомним, что он путешествует по Европе в 1776–1777 гг. в компании со своим начальником М. Ф. Соймоновым и товарищем по литературному кружку Н. А. Львовым. Из них троих отдельного рапорта заслуживают Соймонов и Хемницер, а Львов упоминается лишь вскользь. Если Соймонов обращает на себя внимание высоким чином, то чем мог заинтересовать парижскую полицию российский баснописец? Вчитаемся в отчет от 7 марта 1777 г., чтобы понять это:

Господин Хемницен, майор на российской службе, прибыл недавно в город из Германии и остановился в гостинице «Австрия» на улице Траверсьер Сент-Оноре.

Сей офицер происходит из семьи выходцев из Германии, обосновавшейся в России в правление Петра I. Отличие, с которым он служил во время последней войны с турками, снискало ему великое уважение и репутацию хорошего офицера. Его знания тактики и начитанность дополняются выгодным умением чисто говорить на многих языках.

⁹ Mme la comtesse de Schowaloff jouit ici d'une grande considération, elle est aimée et estimée comme elle le mérite par tout le monde. Pour moi, elle a des bontés charmantes... Je n'ai pas toutes les bonnes grâces de son mari, il a fait pourtant des vers pour moi qu'il a fait mettre dans le Mercure; mais les beaux esprits l'occupent trop pour perdre son temps dans les conversations frivoles.

Господин Хенницен объездил всю Германию и останавливался во всех городах, где предполагал удовлетворить свою тягу к военному искусству либо изучением укреплений, либо наблюдением за маневрами, уставом и проч. Он вел журнал своим наблюдениям, как утверждают, интересным. Его путешествие по Франции имеет ту же цель. Вместе с ним следует капитан Лофф [Львов], его родственник. Они получили от своего двора отпуск на два года, но нынешнее положение дел в России заставляет их опасаться, как бы их не отозвали на родину раньше времени¹⁰ [MAE La Courneuve, Contrôle des étrangers, vol. 14, f. 99r^o-v^o].

Несмотря на привычное для полицейского донесения о русских большое количество фактических ошибок, можно выделить несколько точных замечаний, которые, очевидно, и дают повод для создания рапорта. Внимание к военным укреплениям (а скорее всего — профессиональный интерес к инженерному делу), редкое для чужестранца знание нескольких иностранных языков, начитанность и ведение дневника создают облик подозрительного наблюдателя. Имея неточные сведения и не зная настоящих интересов путешественника, полиция не способна рассмотреть в нем писателя. Дневник Хемницера, который он вел по-русски, по-немецки и по-французски во время европейского вояжа — и прежде всего парижские страницы [Хемницер 1873: 373–386] — в самом деле насыщен любопытными и подробными наблюдениями, перечислением интересных фактов и событий. Однако все они относятся к культурной жизни французской столицы: спектакли, концерты, труды живописцев и художественные собрания — зафиксировано было лишь то, что могло бы предоставить материал для сочинений или послужить источником вдохновения.

Несовпадение в деле Хемницера двух точек зрения, французской и русской, административной и творческой, оказывается весьма показательным для всей рассматриваемой темы. Парижская полиция решает политические и административные задачи, поэтому в ее поле зрения попадают те события и факты, которые имеют отношение к

¹⁰ M. Hennitzen, major au service de Russie, est arrivé ici depuis peu venant d'Allemagne et est descendu à l'hôtel d'Autriche rue Traversière St. Honoré.

Cet officier est d'une famille originaire d'Allemagne établie en Russie, lors du règne de Pierre Ier. La distinction avec laquelle il a servi pendant le cours de la dernière guerre contre les Turcs lui a mérité beaucoup de considération et la réputation d'un bon officier. Il joint à la connaissance de la tactique et des meilleurs auteurs l'avantage de parler plusieurs langues avec pureté.

M. Hennitzen a parcouru toute l'Allemagne et s'est arrêté dans toutes les villes susceptibles de satisfaire son goût pour l'art militaire, soit pour les fortifications, les manœuvres, la discipline etc. Il a fait un journal de ses observations qu'on assure être intéressantes : son voyage en France a le même objet. Il est accompagné du capitaine Loff, son parent, ils ont un congé de leur cour de deux ans, mais l'état actuel des affaires en Russie leur fait craindre d'être rappelés dans leur patrie avant ce temps.

делам государственного или широкого общественного значения. Российские же писатели едут в столицу Франции за художественными впечатлениями и социальным престижем, политические поручения часто являются лишь необходимым или неизбежным прибавлением к ним. Не имея значимого литературного реноме, они не могут заставить говорить о себе в тех сферах, где формируется общественное мнение. Поэтому полиция может распознавать их лишь как потенциальных (или реальных) нарушителей общественного порядка. Можно сформулировать это иным образом: в Париже XVIII в. подлинные, творческие интересы российских писателей начинаются там, где заканчивается поле наблюдения полицейских инспекторов и их шпионов.

Сокращенные названия библиотек и древлехранилищ

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)

MAE La Courneuve — Archives diplomatiques, Ministère des affaires étrangères (La Courneuve)

BA — Bibliothèque de l'Arsenal (Paris)

BNF — Bibliothèque Nationale de France (Paris)

Библиография

Литература

Гречаная 2010

Гречаная Е. П., *Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века)*, Москва, 2010.

Делон 2013

Делон М., *Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века (Кребийон-сын, Жан-Франсуа Бастид, Виван Денон, Оноре Мирабо, принц де Линь и др.)*, Москва, 2013.

Дмитриева, Топорков 1992

Дмитриева Е. Е., Топорков А. Л., *Авантюрная автобиография И. И. Тревогина, Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология*, Москва, 1992, 49–75.

Достоевский 1956

Достоевский Ф. М., *Собрание сочинений в 10 томах*, 4, Москва, 1956.

Зорин 2016

Зорин А. Л., *Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века*, Москва, 2016.

Кантемир 1956

Кантемир А. Д., *Собрание стихотворений*, Ленинград, 1956.

Клейн 2005

Клейн И., *Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века*, Москва, 2005.

Строев 1998

Строев А. Ф., *«Те, кто поправляет фортуну...». Авантюристы Просвещения*, Москва, 1998.

- 2014
Строев А. Ф., «Взяла Лаиса микроскоп...». Русские вельможи и парижские актрисы: литературные и исторические контексты пушкинской эпиграммы, *Russian Literature*, 2014, 76, 85–96.
- Фонвизин 1959a
Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений в 2 томах*, 1, Москва, Ленинград, 1959.
- 1959b
Фонвизин Д. И., *Собрание сочинений в 2 томах*, 2, Москва, Ленинград, 1959.
- Хемницер 1873
Хемницер И. И., *Сочинения и письма (по подлинным рукописям)*, С.-Петербург, 1873.
- Cabanès 1922
Cabanès A., *La princesse de Lamballe intime (d'après les confidences de son médecin)*, Paris, 1922.
- Chouvalov 1779
[Chouvalov A.], Vers à Madame la duchesse de La Vallière, le jour de sa fête, *Mercure de France*, samedi 11 septembre 1779, 49–50.
- Dubost 2000
Dubost J.-F., Les étrangers à Paris au siècle des Lumières, *La ville promise: Mobilité et accueil à Paris (fin XVIIe – début XIXe siècle)*, D. Roche, dir., Paris, 2000, 221–288.
- 2001
Dubost J.-F., Naissance de la police des étrangers dans le royaume de France (XVIe – XVIIIe siècle), *Police et migrants: France 1667–1939*, M.-C. Chaléard et al., dir., Rennes, 2001, 33–49.
- Frédéric 1741
[Frédéric II de Prusse], *Anti Machiavel ou Examen du Prince de Machiavel: avec des notes historiques & politiques*, Londres, 1741.
- Goudar 1765
[Goudar A.], *Espion chinois ou Envoyé secret de la cour de Pékin, pour examiner l'état présent de l'Europe*, 2, Cologne, 1765.
- Grasshoff 1966
Grasshoff H., *Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst*, Berlin, 1966.
- Journal 1863
Journal des inspecteurs de M. de Sartine, L. Larchey, éd., Bruxelles, Paris, 1863.
- Lilti 2005
Lilti A., *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*, Paris, 2005.
- Liu 1985
Liu N., Dimitrie Cantemir, prince philosophe de Moldavie. Échos européens, *Dix-huitième siècle*, 15, 1983, 421–439.
- Lizé 1978
Lizé É., Mémoires inédits de Diderot à Catherine II, *Dix-huitième siècle*, 10, 1978, 191–222.
- Milliot 2016
Milliot V., “L’admirable police”. *Tenir Paris au siècle des Lumières*, Ceyzérieu, 2016.
- PSL XV
Paris sous Louis XV: rapports des inspecteurs de police au roi, 1–5, C. Piton, éd., Paris, 1905–1914.
- Proust 1995
Proust J., *Les Lettres de France dans l'espace littéraire français, Fonvizine D., Lettres de France: 1777–1778*, H. Grosse, et al., trad., comment., Paris, Oxford, 1995, 21–32.

Satyres 1749

Satyres de Monsieur le prince Cantemir. Avec histoire de sa vie. Traduites du russe en français, Londres [Paris], 1749.

Stroev 2010

Stroev A., Voltaire et le “ci-devant Pouchkine”, *L'Image de l'Étranger*, A. Stroev, dir., Paris, 2010, 65–81.

Viala 1985

Viala A., *Naissance de l'écrivain. Sociologie de la littérature à l'âge classique*, Paris, 1985.

Vidoni 2018

Vidoni N., *La Police des Lumières (XVIIe–XVIIIe siècles)*, Paris, 2018.

References

- Cabanès A., *La princesse de Lamballe intime (d'après les confidences de son médecin)*, Paris, 1922.
- Delon M., *Iskusstvo zhiť libertena. Frantsuzskaia libertinskaia proza XVIII veka (Krebiion-syn, Zhan-Fransua Bastid, Vivan Denon, Onore Mirabo, prints de Lin' i dr.)*, Moscow, 2013.
- Dmitrieva E. E., Toporkov A. L., *Avantiurnaia biografiia I. I. Trevogina, Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia*, Moscow, 1992, 49–75.
- Dubost J.-F., Les étrangers à Paris au siècle des Lumières, *La ville promise: Mobilité et accueil à Paris (fin XVIIe – début XIXe siècle)*, Roche D., dir., Paris, 2000, 221–288.
- Dubost J.-F., Naissance de la police des étrangers dans le royaume de France (XVIe – XVIIIe siècle), *Police et migrants: France 1667–1939*, Chaléard M.-C. et al., dir., Rennes, 2001, 33–49.
- Grasshoff H., *Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa, ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur Westeuropäischen Literatur und Kunst*, Berlin, 1966.
- Grechanaya E. P., *Kogda Rossiia govorila po-frantsuzski: russkaia literatura na frantsuzskom iazyke (XVIII – pervaiia polovina XIX veka)*, Moscow, 2010.
- Kantemir A. D., *Sobranie stikhotvorenii*, Leninograd, 1956.
- Klein I., *Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoi literature XVIII veka*, Moscow, 2005.
- Lilti A., *Le monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle*, Paris, 2005.
- Liu N., Dimitrie Cantemir, prince philosophe de Moldavie. Échos européens, *Dix-huitième siècle*, 15, 1983, 421–439.
- Lizé É., Mémoires inédits de Diderot à Catherine II, *Dix-huitième siècle*, 10, 1978, 191–222.
- Milliot V., “L'admirable police”. *Tenir Paris au siècle des Lumières*, Ceyzérieu, 2016.
- Proust J., *Les Lettres de France dans l'espace littéraire français*, Fonvizine D., *Lettres de France: 1777–1778*, Grosse H. et al., trad., comment., Paris, Oxford, 1995, 21–32.
- Stroev A., Voltaire et le “ci-devant Pouchkine”, *L'Image de l'Étranger*, Stroev A., dir., Paris, 2010, 65–81.
- Stroev A. F., “Laisa Took a Microscope...”. Russian Magnates and Parisian Actresses: Literary and Historical Contexts of a Pushkin Epigram, *Russian Literature*, 2014, 76, 85–96.
- Viala A., *Naissance de l'écrivain. Sociologie de la littérature à l'âge classique*, Paris, 1985.
- Vidoni N., *La Police des Lumières (XVIIe–XVIIIe siècles)*, Paris, 2018.
- Zorin A. L., *Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka*, Moscow, 2016.

Денис Александрович Кондаков,

кандидат филологических наук,
доцент, декан гуманитарного факультета
Полоцкого государственного университета
211415 Полоцк, пер. Стрелецкий, 4
Беларусь/Belarus
d.kandakou@psu.by

Received December 22, 2018